

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны.

1 ноября. Слышалъ курьезный разсказъ раненаго охотника, украшеннаго георгиевскимъ крестомъ. Разсказчикъ служилъ въ одномъ изъ министерствъ Петрограда и очень желалъ идти на войну, но обстоятельства сложились такъ, что ему пришлось поступить охотникомъ въ одну изъ частей, расположенныхъ въ Финляндіи. Эта служба не была ему по сердцу. Онъ рвался въ бой. Нѣсколько, подобныхъ ему, головорѣзовъ, ничто же сумняшея, сѣли на желѣзную дорогу безъ ружей и съ большими затрудненіями текущей осенью пріѣхали въ Варшаву.

Наша армія въ то время наступала, и они, съ еще большими препятствіями, чѣмъ при пріѣздѣ, пробрались въ передовыя части, гдѣ отъ убитыхъ снарядились, вооружились и пошли съ энергіей на развѣдки, охотниками. Двигаясь, съ особыми предосторожностями, они замѣтили несущійся низко неприятельскій аэропланъ.

Охотники расположились укрыто и при пролетѣ открыли огонь по аэроплану, убили одного изъ летчиковъ, а другой убѣжалъ при спускѣ. Взятая добыча была хорошо укрыта въ лѣсу. Охотники предлагали встрѣчной полусотнѣ казаковъ отвезти аэропланъ, но тѣ отказались.

Пришлось обратиться къ повозкамъ мѣстныхъ жителей, и тѣ везли до тѣхъ поръ, пока не выбились лошади изъ силъ. Опять аэропланъ былъ спрятанъ, и охотники пошли назадъ доложить о происшедшемъ начальству. Сначала имъ не повѣрили, а потомъ дали полуроту, которая доставила аэропланъ высшему начальству, затѣмъ аэропланъ былъ для починки отправленъ въ Петроградъ и поправленный доставленъ на

театръ военныхъ дѣйствій. Разказчикъ награжденъ георгиевскимъ крестомъ, а затѣмъ былъ зачисленъ въ другую часть, гдѣ тоже служилъ развѣдчикомъ, участвовалъ во многихъ бояхъ, былъ раненъ въ шею и ногу и отправленъ въ Петроградъ.

Въ дневникѣ пятнадцатаго числа прошлаго мѣсяца позабылъ упомянуть, что въ одной изъ полковыхъ церквей Петрограда мнѣ пришлось быть на отпѣваніи нѣсколькихъ героевъ, павшихъ на полѣ брани. Къ концу служенія внутреннія двери изъ казармъ въ храмъ отворились, и внесли въ церковь на носилкахъ тяжело раненаго героя этого полка, привезеннаго въ это утро въ Петроградъ, и пожелавшаго отдать послѣдній долгъ павшимъ товарищамъ.

Когда носилки поравнялись со мной, то тяжело раненый, протянувъ мнѣ руку, сказалъ: „очень благодарю за присылку газетъ“, и въ такую тяжелую минуту раненый вспомнилъ и нашелъ силы благодарить за такую ничтожную услугу.

Мнѣ разказывалъ одинъ Петроградскій житель, что онъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность посѣщать раненыхъ нашихъ героевъ-солдатъ въ Петроградскихъ больницахъ, и онъ замѣчаетъ и видитъ успѣшность этихъ посѣщеній въ улучшеніи распорядковъ въ больницахъ къ несомнѣнной пользѣ раненыхъ. Устанавливается такимъ образомъ контроль общества надъ уходомъ за ранеными, только однимъ посѣщеніемъ раненыхъ. Какъ бы было полезно, если бы петроградцы послѣдовали этому назидательному примѣру и вмѣнили бы себѣ въ обязанность посѣщать раненыхъ въ больницахъ и лазаретахъ.

Съ конца октября нѣмцы, перешедши къ оборонѣ на западномъ фронтѣ, перебросили оттуда на восточный фронтъ отъ 12 до 15 корпусовъ и начали съ 31 октября энергичное наступленіе по направленію къ Варшавѣ, по обоимъ берегамъ Вислы. Главнокомандующимъ германскими силами былъ генералъ Гинденбургъ, подъ его командою были: мнящій себя Наполеономъ, германскій кронпринцъ и генералъ Макензенъ, который очень почитаемъ кронпринцемъ, какъ его учитель по военнымъ наукамъ.

Отчаянное стремленіе всѣхъ этихъ господъ, а также германской арміи, поджигаемыхъ воззваніями и рѣчами самого кайзера, было во что бы то ни стало взять Варшаву.

Наставникъ кронпринца Макензенъ шелъ во главѣ нѣмецкихъ корпусовъ.

Путь слѣдованія тевтонскихъ полчищъ пролегалъ по уже опустошенной Польшѣ, и, по рассказамъ, съ этими тевтонскими ордами слѣдовали автомобили и повозки съ значительными боевыми и продовольственными запасами.

Среди этихъ запасовъ было много автомобилей и повозокъ съ алкоголемъ, эфиромъ и другими наркотиками, которые должны были влить въ кровь германцевъ надлежащій подъемъ духа, необходимый тевтонамъ для рукопашнаго столкновенія съ великой трезвенницей—русской арміей.

Въ нашихъ замѣткахъ за прошлый мѣсяцъ было указано про двухъ лицъ, которыя, благодаря ихъ необычному уму, изумительной энергій, дивной во всемъ инициативѣ, стали высоко и высоко надъ другими. Тамъ былъ указанъ одинъ кн. Г. Е. Львовъ. Про другого было обѣщано упомянуть впоследствии.

Этотъ другой—Александръ Ивановичъ Гучковъ, главноуполномоченный Краснаго Креста на Варшавскомъ фронтѣ, гдѣ его называютъ генераломъ отъ Краснаго Креста. Никто изъ лицъ этого почтеннаго учрежденія не можетъ такъ использовать имѣющагося въ его распоряженіи средства для пользы войскъ, такъ дивно ихъ возсоздать, какъ А. И. Гучковъ.

Гдѣ бы ни происходили бои, гдѣ бы ни размѣщались наши боевыя линіи, Гучковъ движется неотступно за арміей, а иногда даже и впереди ея непосредственно за сторожевымъ охраненіемъ, предъугадываетъ мѣста возможныхъ боевъ, развертываетъ тамъ свои отряды и съ необычнымъ искусствомъ выхватываетъ раненыхъ изъ рукъ смерти. Съ раннаго утра до поздняго вечера онъ въ постоянной работѣ, служа источникомъ неизсякаемой энергій для всѣхъ, съ нимъ дѣла имѣющихъ. Ночью, когда нѣтъ боевыхъ столкновеній, онъ выдвигается со своими автомобилями впередъ и выискиваетъ раненыхъ при свѣтѣ факеловъ. Ему пришлось вѣзжать въ одинъ городъ, еще не занятый нашими войсками, и тамъ изумительно прекрасно организовать врачебную помощь для раненыхъ. Чувство страха и боязнь препятствій ему незнакомы. Не даромъ онъ участвовалъ въ четырехъ кампаніяхъ, спокойно переносилъ невзгоды думской трибуны, и невозмутимо стоялъ подъ дуломъ пистолета противника.

Сколько тысячъ раненныхъ Варшавскаго фронта спаслось энергіей Александра Ивановича Гучкова!

Вотъ что рассказываютъ про поведеніе германскихъ военно-плѣнныхъ, поражающее полнымъ отсутствіемъ военнаго воспитанія и понятій о воинской и гражданской чести. Солдаты или угрюмы, или дерзки до наглости. Они снимаютъ свои каски и съ нескрываемымъ цинизмомъ предлагаютъ ихъ всѣмъ, кого встрѣчаютъ, чтобы выманить нѣсколько копѣекъ на табакъ, продавая тѣмъ самымъ честь и имущество полка, для удовлетворенія простой прихоти.

Говорятъ, что нѣмецкія войска отличаются гордостью, высокомеріемъ, самолюбіемъ. Правильнѣе все это назвать однимъ словомъ: грубостью. Вся ихъ гордость и надменность заключаются въ томъ, что они кидаютъ въ толпу встрѣчныхъ дерзкія оскорбленія, когда ихъ трубки полны табакомъ, и занскивающе торгуютъ своими киверами, когда у нихъ табаку нѣтъ.

Каждый раненый нѣмецъ непременно похваляется, что Англія совершенно отрѣзана германскимъ флотомъ отъ материка и что будто бы десантъ англійскихъ войскъ прекращенъ навсегда. Германцы убѣждены, что Варшава давно въ ихъ рукахъ, что русскіе отступили чуть не подъ Москву и т. д. Вѣрятъ также всѣ они въ скорое заключеніе мира, конечно, чрезвычайно выгоднаго для ихъ фатерлянда.

Когда пробуютъ разубѣждать плѣнныхъ, они недовѣрчиво качаютъ головой. Никто изъ нихъ не знаетъ о побѣдахъ нашихъ доблестныхъ войскъ не только подъ Варшавой, но даже и въ Галиціи.

2 ноября. Читалъ гдѣ-то въ газетахъ, какъ одинъ прибалтійскій предводитель дворянства доказывалъ, что онъ не могъ возбуждать дѣла объ исключеніи изъ дворянскаго сословія одного барона, осужденнаго въ одной судебной инстанціи за укрывательство при мобилизаціи своихъ годныхъ для поставки лошадей. По его мнѣнію, необходимо было выждать рѣшенія всѣхъ инстанцій.

Существуетъ поговорка, что у всякаго барона своя фантазія. Конечно, такая фантазія не препятствуетъ барону оставаться предводителемъ дворянства много лѣтъ, послѣ того, какъ другой баронъ его билъ по лицу, а подлежащее начальство такого предводителя украсило его, черезъ нѣсколько лѣтъ, шейнымъ Владиміромъ.

Ну мыслимы ли такія фантазіи у насъ въ Россіи съ предводителемъ дворянства?

3 ноября. Рассказывали про календарь дейчеръ ферейна за 1907 годъ, изд. въ Ригѣ. Въ этомъ календарѣ въ главѣ „Die

Eurapäischen Fürsterhause“ подробно перечислены дни рожденія и именинъ всѣхъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ особъ, начиная съ кайзера и кончая самымъ мелкимъ германскимъ князькомъ, перечислены всѣ выдающіяся событія германской исторіи, ихъ побѣды, дни рожденія германскихъ поэтовъ, полководцевъ и художниковъ.

Что же сказано про Россійскій Царствующій Домъ и про событія въ Россіи?

Russland: Kaiser Nicolaus II geb. 19 mai 1868, а изъ событій въ Россіи упомянуты Ляоянь, Цусима и паденіе Портъ-Артура.

4 ноября. Читалъ еще подтверждающія свѣдѣнія о прошедшемъ наборѣ, которыя были уже нами сообщены. Наборъ протекалъ въ изумительномъ порядкѣ. Ни одного пьянаго.

„Въ полномъ порядкѣ, смѣлымъ шагомъ подходили будущіе защитники родной земли къ столу присутствія и съ выраженнымъ въ лицѣ и по всей фигурѣ горячимъ желаніемъ отдать всего себя родинѣ, вставали подъ мѣрку. И если много было изъ нихъ такихъ, которые, не давши еще врачу приступить къ освидѣтельствованію ихъ, уже заявляли: „я всѣмъ здоровъ“, то можно сказать, не было почти совсѣмъ такихъ, въ которыхъ проглядывало бы желаніе быть забракованнымъ или, вообще, уклониться отъ службы. Немало было даже случаевъ, когда врачъ находилъ какой-либо недостатокъ у свидѣтельствуемаго, а послѣдній упорно заявлялъ, что это ему „не препятствуетъ“ и „онъ желаетъ служить“.

6 ноября. Привожу выдержку изъ трогательнаго разсказа сестры милосердія ¹⁾.

„Принесли новыхъ раненыхъ.

Среди нихъ былъ одинъ солдатъ съ мертвенно блѣднымъ, какимъ-то сѣрымъ лицомъ, на которомъ страданье стерло всякое выраженіе, и съ тусклыми закотившимися глазами. Онъ былъ раненъ въ животъ и лежалъ безъ сознанія, подавая признаки жизни только рѣдкими, слабыми стопами.

Когда его раздѣли и отмочили прилипшую къ ранѣ рубашку, докторъ осмотрѣлъ его и какъ-то досадливо отвернулся, и потому, что при этомъ онъ не сказалъ ни одной рѣзкости и прикасался къ страдальцу съ нѣжной, почти женственной осторожностью, я поняла, что часы этого человѣка сочтены и что если онъ придетъ въ сознаніе,—надо постараться по возможности находиться около него.

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ 6 ноября с. г.

Послѣ перевязки и вылитаго въ ротъ коньяку, больной дѣйствительно очнулся, взгляды его глазъ, печальный, недоумѣвающий, скользнулъ по обширной полянѣ, гдѣ вокругъ громадной палатки копошилось на носилкахъ и прямо на землѣ множество стонущихъ, разговаривающихъ и безмолвныхъ человѣческихъ фигуръ, по моей бѣлой косынкѣ и по далекому вечернему небу, догоравшему заревомъ заката.

— Помираю?..—не то вопросительно, не то неувѣренно промолвилъ онъ тихо, и ненужныя, блѣдныя слова утѣшенія не сошли съ моего языка.

Онъ замолчалъ, и только сосредоточенный, острый взглядъ доказывалъ, что онъ и не спитъ, и въ памяти, и крѣпко думаетъ о чемъ-то своемъ.

Прошло нѣсколько времени. Я успѣла поправить повязку на головѣ его сосѣда и отозваться на зовъ другого, просившаго пить. И когда умирающій снова заговорилъ, я не сразу уловила теченіе его мысли.

— Ну, что-жъ, за Царя, значить, и Отечество. Божья воля. Сестрица, а сестрица, голубушка.

— Что тебѣ, милый, хочешь чего-нибудь?

Рука солдата торопливо и невѣрно шарила около кармана путаясь въ одеждѣ холодѣвшими пальцами и не попадая куда надо.

— Достань, —прошепталъ онъ съ усиліемъ.

Въ карманѣ оказалась плитка шоколада въ пестрой оберткѣ. Нѣсколько удивленная, я показала ее солдату.

— Это?

— Она,—слабо кивнулъ онъ въ отвѣтъ.

— Какъ въ первой я раненъ былъ, мнѣ ее санитаръ далъ. Барыня одна, говоритъ, на вокзалѣ для солдатиковъ передать велѣла... А я берегъ... Думалъ, побьемъ нѣмца, въ деревню вернусь, сынишка тамъ у меня, Митька, четвертый годокъ о Покровѣ пошелъ. Ему думалъ привезу.—Гостинецъ, значить...

Тяжелое дыханіе прервалось, и солдатикъ на мигъ замолчалъ.

— У тебя и жена, значить, есть? Можетъ, написать ей, что-нибудь скажешь?—предложила я.

— Ни, ни...—забезпокоился раненый.—Зачѣмъ писать. Она баба молодая. Что на нее тоску нагонять. Такъ лучше понемногу отвыкнетъ. А вотъ мальченкѣ бы гостинецъ, мальченкѣ. Возьмите, сестрица. Картиночка на ей... Пускай порадуетъ...—слова страдальца стали несвязны и понемногу перешли въ бредъ.

Начиналась агонія.

Я приняла изъ судорожно сжавшихся пальцевъ маленькую, смятую конфетку и благоговѣнно спрятала ее на груди“.

Незадолго до объявленія войны Турціи, на одномъ многолюдномъ обѣдѣ въ Константинополѣ, спросили у адмирала Сушона его мнѣніе о русскомъ флотѣ. На это германскій турокъ нахально отвѣтилъ:

— Дайте мнѣ три часа времени и одинъ только „Гебенъ“, и я уничтожу весь флотъ.

На Черномъ морѣ произошелъ бой нашего флота съ германотурецкими крейсерами „Гебеномъ“ и „Бреслау“, которые быстро отступили, при чемъ „Гебенъ“ ушелъ тяжело поврежденный.

7—15 ноября. Выше было сказано, что германскія войска, подъ начальствомъ генерала Макензена, въ началѣ ноября, начали энергичное наступленіе на Варшавскомъ фронтѣ и въ одну недѣлю дошли почти до Лодзи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней нѣмцы стремились прорвать наше расположеніе, примыкавшее правымъ флангомъ къ рѣкѣ Вислѣ.

Шестого ноября послѣ невѣроятныхъ усилій и жертвъ, нашему врагу удался прорывъ въ районѣ Пюнтека, послѣ котораго германцы широкой лавиной полились въ образовавшійся промежутокъ, направляясь на Стрыковъ, Брезины, Колюшки, Тушинъ и Рзговъ. Обтекая правый флангъ нашихъ войскъ, дравшихся въ районѣ Лодзи и къ западу отъ нея, германцы энергично и стремительно атаковали наши войска, угрожая имъ съ тыла, и окружили ихъ въ Лодзи съ трехъ сторонъ.

„Въ это время, пишутъ нѣмцы, произошелъ неожиданный переломъ. Какъ разъ въ ту минуту, когда явилась надежда, вмѣсто простого задержанія наступленія русскихъ, нанести имъ рѣшительное пораженіе, русскимъ удалось подвести подкрѣпленіе тѣмъ частямъ арміи, которымъ грозило окруженіе“. Этотъ маневръ былъ парализованъ наступленіемъ нашихъ резервовъ съ востока отъ Ловича и съ юга отъ Радома, вслѣдствіе чего большая часть корпусовъ арміи Макензена сама попала въ мѣшокъ.

„Положеніе германцевъ, пишутъ нѣмцы, было серьезнымъ, помощи ни откуда нельзя было ожидать, ожидали катастрофы для германцевъ“.

Къ тринадцатаму ноября германцамъ, послѣ невѣроятныхъ усилій, удалось рядомъ отчаянныхъ ночныхъ атакъ пробиться къ Стрыкову. Въ этихъ дѣлахъ они, по собственному призна-

нію ихъ офіціального сообщенія, понесли неслыханныя потери, объясняющіяся тѣмъ, что имъ пришлось пробиваться подъ нашимъ перекрестнымъ огнемъ и совершать отступленіе по стѣсненному нашими войсками пространству.

Потери ихъ дивизій, участвовавшихъ въ прорывѣ и неудавшемся обходѣ, были столь велики, что эти дивизіи нашему врагу пришлось вывести совершенно съ фронта все еще продолжавшагося сраженія. Равнымъ образомъ, по показаніямъ плѣнныхъ, во многихъ другихъ частяхъ, роты коихъ передъ переходомъ германцевъ въ наступленіе были доведены до 260—280 штыковъ, потери оказались столь велики, что въ ротахъ осталось не свыше 70 человѣкъ.

Нѣмцы потеряли здѣсь десятки тысячъ убитыми и ранеными и 28.000 плѣнными. Къ 15 ноября первое лодзинское сраженіе окончилось.

На галиційскомъ фронтѣ наши дѣйствія были вполне успѣшны, и 7 ноября нами заняты на Карпатахъ Васничъ, Дукла и Ужокъ, а 13 ноября передъ Краковомъ взята Бохня, а черезъ 6 дней мы овладѣли и Величкой.

Недавно ¹⁾ были напечатаны выдержки изъ письма Радко-Дмитріева. Въ этомъ письмѣ нашъ герой высказывается за необходимость славянской политики для Болгаріи. По убѣжденію славнаго генерала, святое славянское дѣло должно восторжествовать и врагъ будетъ сокрушенъ. „Я, пишетъ генераль, всегда любилъ и вѣрилъ въ русскаго воина; но нынѣ, видя его доблестные подвиги собственными глазами, я его боготворю. Съ такими войнами нельзя не побѣдить“.

15—23 ноября германцы, перебросивши на Варшавскій фронтъ громадныя силы, начали второе лодзинское сраженіе, сопряженное для нихъ съ громадными потерями. Сраженіе это окончилось въ ничью, такъ какъ обѣ стороны сохранили свои позиціи. 22 ноября германцы пытались перейти въ наступленіе отъ Млавы на Праснышъ, но были отбиты съ большимъ урономъ.

Затѣмъ къ концу мѣсяца на Варшавскомъ фронтѣ все затихло и стало обнаруживаться сосредоточеніе австро-германскихъ войскъ къ югу отъ Кракова, и направленіе ихъ въ обходъ нашихъ силъ съ лѣваго фланга.

Всѣ эти обстоятельства создали новую группировку нашихъ силъ по Бзурѣ, Равкѣ, Нидѣ и Дунайцу.

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ 8 ноября с. г.

Государь Императоръ отбылъ восемнадцатаго ноября изъ Царскаго Села въ Дѣйствующую Армію и прибылъ туда 19-го ноября.

Изданная недавно французскимъ правительствомъ „Желтая Книга“ представляетъ несомнѣнное доказательство, что принятый планъ войны съ проходомъ черезъ Бельгію и молниеносное наступленіе на Парижъ задумано и обработано Германіей до мельчайшихъ подробностей еще два года назадъ.

Но среди этихъ данныхъ встрѣчается и неизвѣстная доселѣ подробность дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ. Какъ оказывается, германскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ французскому послу Камбону, что Германія воздержится отъ мобилизаціи, если Россія ограничится мобилизаціей на австрійской границѣ. Въ виду этого заявленія берлинскаго кабинета, 17-го іюля въ Россіи была объявлена лишь частичная мобилизація, не коснувшаяся тѣхъ военныхъ округовъ, которые граничатъ съ Германіей или лежатъ близко къ прусской границѣ. Такимъ образомъ, наше правительство рѣшилось лишь на мѣры предосторожности, направленные противъ Австріи, и эти мѣры достигли своей цѣли. Въ тотъ же день, какъ была объявлена въ Россіи частичная мобилизація, графъ Берхтольдъ сообщилъ нашему вѣнскому послу Шебеко, что австро-венгерское правительство согласно передать свой споръ съ Сербіей на международное разсмотрѣніе. Лишь только въ Берлинѣ узнали про уступчивость Австріи, графъ Пурталесъ, по приказу кайзера, осмѣлился предъявить свой историческій ультиматумъ г. Сазонову. Немедленнымъ отвѣтомъ нашего правительства на эту дерзость, соединенную съ вѣроломствомъ, явилась общая мобилизація русской арміи. На запросъ посла Камбона по поводу нарушенія данныхъ барлинскимъ кабинетомъ обѣщаній, г. Яговъ цинично отвѣтилъ, что его заявленіе не равносильно формальному обязательству. Такимъ образомъ, германская дипломатія шла на сознательный обманъ, лишь бы получить предлогъ для разрыва съ Россіей.

Кромѣ того, берлинскій генеральный штабъ добился отсрочки на одинъ день мобилизаціи въ пограничныхъ съ Пруссіей округахъ въ такое время, когда дорогъ каждый часъ.

Нѣкоторые торговцы разъясняли мнѣ, что якобы весь успѣхъ нѣмецкаго торговаго засилья на Руси зиждется на двухъ китахъ—виртуознаго умѣнья нѣмцевъ подносить взятки и необыкновенно щедро давать деньги въ кредитъ.

Разсказывали, что нейтральная держава Швеція обнаруживаетъ въ настоящее время энергичную дѣятельность по закупкѣ въ обширныхъ размѣрахъ русскаго масла, яицъ и бычьихъ внутренностей, и что здѣшняя Европейская гостиница переполнена шведскими комиссіонерами.

Передаютъ, что якобы изъ Россіи идутъ заказы на Швецію для Германіи, и не однихъ только съѣстныхъ припасовъ.

Понятіе о благѣ родины и понятіе о благѣ кармана трудно совмѣстимы между собой.

Въ Петроградѣ, Петроградской губерніи, въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Одессѣ и другихъ городахъ вышлываютъ наружу дѣла о судебномъ преслѣдованіи разныхъ лицъ по сбору на германскій флотъ (флотенъ ферейнъ). Сколько нѣмцевъ, стоявшихъ во главѣ и на службѣ въ разныхъ обществахъ и торговыхъ предпріятіяхъ, ихъ жены собирали русскія денежки и сооружали нѣмецкіе „Гебены“, „Гнейзенау“ и „Шарнгорсты“. Сколько у этихъ сборщиковъ-нѣмцевъ родственниковъ, служащихъ офицерами въ германской арміи. Говорятъ, что одинъ изъ этихъ нѣмцевъ руководилъ нападеніемъ на черноморскіе порты, владѣя прекрасно русскимъ языкомъ.

Въ ноябрьскихъ бояхъ подъ Лодзью особенно себя проявили нѣмецкіе колонисты. Ярымъ защитникамъ нѣмецкихъ колонистовъ рекомендуемъ прочесть нижеслѣдующія строки талантливѣйшаго ветерана русскихъ корреспондентовъ В. И. Немировича - Данченко о ихъ достохвальныхъ дѣяніяхъ подъ Лодзью ¹⁾:

„Здѣсь обнаружился величайшій вредъ, который приносятъ намъ нѣмецкіе колонисты. Вся наша армія просочена ихъ шпіонажемъ. Они наводятъ германцевъ на наши отдыхающія части, предательски завлекаютъ ихъ въ западни. Служатъ неприятелю укрывателями, проводниками, сигнализируютъ ему разноцвѣтными флажками и огнями, движеніемъ мельницъ, пожарами одинокихъ домовъ, факелами, доставляютъ ему всевозможные съѣстные припасы и фуражъ, отказывая намъ въ этомъ. То и дѣло ловятъ ихъ женщинъ, разносящихъ „агентамъ“ нѣмецкія деньги и векселя на рубли, по которымъ

¹⁾ „Русское Слово“, 21-го ноября сего года.

должна производиться ежемѣсячная уплата. Для нѣмецкихъ колонистовъ, разбогатѣвшихъ у насъ, это—„служба отечеству“. Молодежь ихъ бѣжитъ въ германскіе отряды и тамъ, при встрѣчахъ съ русскими, обманываетъ нашихъ русской командой. Переодѣвается русскими солдатами. Вредъ отъ этихъ колоній не поддается учету“.

Въ этихъ же лодзинскихъ бояхъ ярко выяснились драгоценныя боевыя качества средне-азиатской, текинской и мервской конницы. 16-го ноября, нѣмцы успѣли сосредоточиться въ Керновѣ, и незамѣтно, подъ прикрытіемъ тумана, двинулись на наше расположеніе.

Этотъ же самый корреспондентъ описываетъ ¹⁾ такъ этотъ дивный подвигъ:

„Въ мгlistой дали этотъ маневръ былъ замѣченъ одной изъ среднеазиатскихъ кавалерійскихъ частей, на высокія боевыя качества которой указывалъ еще М. Д. Скобелевъ. Въ настоящую войну эта конница своей порывистой и неодолимой отвагой не разъ сбивала съ толку германцевъ, не считавшихъ такіе удары возможными. Одинъ изъ германскихъ офицеровъ генеральнаго штаба говорилъ:

— Кто же могъ думать, что у русскихъ есть „дьяволы“, совершающіе то, что должно быть внѣ предѣловъ человѣческихъ силъ. Развѣ можно предвидѣть подвиги, граничащіе съ безуміемъ. Они не поддаются здравому расчету.

Такъ и тутъ эти удивительныя всадники, силу которыхъ впервые почувствовали въ Текинскомъ и Мервскомъ оазисахъ, угадавъ противника, пошли на его пѣхоту коннымъ строемъ съ такимъ изумительнымъ бѣшенствомъ, на которое только способны эти истинныя поэты войны. Намъ передаютъ, что налетъ ихъ на большія силы оторопѣвшихъ нѣмцевъ невозможно описать. Каждый моментъ этого боя былъ необычайнымъ. Рубили, съ гиканьемъ бросались въ самую гущу оцетинившихся штыками колоннъ, перескакивали черезъ людей въ ихъ середину, охватывали ихъ отовсюду. Мало того, что эти степные богатыри заставили отойти германскую пѣхоту, но и весь путь ихъ отступленія они замостили трупами враговъ. Это—сплошное поле смерти, гдѣ трудно ступить, не наткнувшись на сраженныхъ шашками нѣмцевъ.

¹⁾ „Русское Слово“ 23 ноября и № 274 „Рус. Сл.“.

Батарея не останавливаетъ ихъ. Они, какъ смерчъ, несутся на орудія, уничтожаютъ прикрытія.

Удары нашихъ азіатскихъ героевъ были и ужасны, и молніеносны. Встрѣчаются мертвецы, раздвоенные отъ плеча до пояса. Налетъ этихъ губительныхъ всадниковъ былъ такой, что отъ сдвигавшихся для своей защиты маленькихъ каре враговъ не осталось никого. Еще разъ война показала намъ, какимъ великолѣпнымъ боевымъ матеріаломъ мы обладаемъ за песками и пустынями Каспійскаго моря. А, вѣдь, оттуда мы можемъ опять выбросить на театръ этой міровой войны еще, по крайней мѣрѣ, 250.000 всадниковъ „первой въ свѣтѣ кавалеріи“, какъ называлъ ихъ М. Д. Скобелевъ. Съ ихъ боевымъ увлеченіемъ ничто сравниться не можетъ“...

„Это—тѣ же безтрепетные, выносливые всадники. Для нихъ нѣтъ ни лишеній, ни опасностей, ни разстояній. Все, что кажется невозможнымъ для кавалеріи, не заставляеть ихъ задумываться вовсе. Имъ нужно только одно—командиръ такой же, какъ они, умъ, способный воспользоваться этою несравненною лавиною и направлять ее. Здѣсь это все молодежь, настоящіе поэты войны, которая для нихъ является мечтой и вѣрой.

Отлично дисциплинированные, они—послушное и убійственное орудіе въ рукахъ вождя. Во главѣ ихъ—сыновья ихъ владѣтельныхъ князей, хановъ и бековъ, съ которыми каждый всадникъ сжился съ дѣтства. Потому они представляютъ сплоченную боевую семью. Чудныя лошади на высокихъ ногахъ, съ красивыми головами, легко переносятъ всю натугу и усталъ перелетовъ по громаднымъ пространствамъ современныхъ похода и боя.

Пески, оазисы и степи далекихъ солнечныхъ краевъ нашихъ могутъ дать вмѣстѣ съ Кавказомъ русской арміи до трехсотъ тысячъ всадниковъ такого рода, считая съ Орскимъ бассейномъ и Закаспіемъ. Триста тысячъ небывалой кавалеріи, способной просочиться сквозь германскія войска и такъ похозяйничать въ тылу у нихъ, что никакія движенія впередъ нѣмецкихъ корпусовъ будутъ невозможны“.

Германскіе офицеры отличаются изнѣженностью: размѣщаясь по домамъ, они прежде всего требуютъ мягкія перины и подушки, потомъ заказываютъ завтраки и обѣды при самомъ разнообразномъ меню.“

Въ тѣхъ случаяхъ, когда наступленіе нашихъ войскъ послѣдуетъ для нѣмцевъ неожиданно, то въ спальняхъ офицеровъ находятъ корсеты, пудру и другія парфюмерныя принадлежности.

24 ноября. Нѣмцы по-прежнему отличались своими возмутительными дѣяніями ¹⁾. У города Волковишки они хоронили нашихъ убитыхъ въ большой ямѣ такимъ образомъ: трупы павшихъ героевъ привязывали къ хвосту лошади и тащили по грязной мостовой къ страшной могилѣ.

Въ г. Радомѣ къ костелу привезли покойника и понесли въ церковь для отпѣванія. На улицѣ остался катафалкъ, запряженный парой лошадей.

Вдругъ появилось нѣсколько человекъ германскихъ солдатъ. Подошли къ катафалку и давай отпрягать лошадей. Отпрягли и увели. При этомъ громко смѣялись, не дѣлая изъ своего грязнаго дѣла ни малѣйшей тайны.

Приводимъ разсказъ офицера о милосердной нѣмецкой сестрицѣ.

„Въ одинъ изъ славныхъ боевъ подъ А. я былъ раненъ и волею судьбы долженъ былъ пролежать въ полѣ около двухъ дней. Шагахъ въ тридцати отъ меня лежалъ другой раненый, тоже офицеръ. Бѣдняга былъ, повидимому, въ еще болѣе тяжеломъ положеніи, чѣмъ я. На вторыя сутки нашего лежанія вдали показались нѣмецкіе санитары, въ сопровожденіи „сестрицы“. Рука не поднимается написать „милосердной“. Она отдѣлилась отъ своихъ помощниковъ и приближалась къ намъ. Бѣдный мой товарищъ застоналъ и привлекъ ея вниманіе. Она наклонилась къ нему, и я съ ужасомъ увидѣлъ порядочной длины ножъ, которымъ она замахнулась надъ раненымъ. Благословляю судьбу, которая оставила при мнѣ револьверъ. Я выпустилъ четыре пули и потерялъ сознаніе.

Впослѣдствіи я узналъ отъ солдатъ, которые меня подобрали, что я ее убилъ наповалъ“.

А у нашихъ союзниковъ, бельгійцевъ, очевидецъ описываетъ такъ неистовства германцевъ:

„Я считаю самымъ большимъ звѣрствомъ то, что нѣмцы, проходя среди мирнаго крестьянскаго населенія, не оставили ни одного мальчика, чтобы не отрубить указательный и средній пальцы правой руки, чтобы и въ будущемъ бельгійцы не могли стрѣлять.

¹⁾ „Новое Время“ 4 ноября и „Бирж. Вѣд.“ 5 ноября с. г.

Я видѣлъ сотни опозоренныхъ дѣвушекъ. Въ видѣ особаго садизма у большинства изъ нихъ отрѣзаны груди. Мнѣ рассказывали несчастныя о невыносимыхъ издѣвательствахъ варваровъ. Чаще всего, награвивъ въ магазинахъ, замкахъ, въ городскихъ квартирахъ драгоцѣнности, нѣмецкіе офицеры забавлялись тѣмъ, что дарили дѣвушкамъ часть драгоцѣнностей, а затѣмъ, проведя съ ними ночь, подъ угрозой револьверомъ, отбирали все назадъ.

Въ одной деревнѣ я видѣлъ трехъ дѣвушекъ, совершенно нагихъ, связанныхъ вмѣстѣ веревкой, по грудь опущенныхъ въ яму, наполненную негашеной известью. Несчастныя заживо сгорѣли.

Проклятые не щадили малолѣтнихъ и даже грудныхъ младенцевъ. Трупики я находилъ на дорогѣ съ слѣдами звѣрскаго насилія“.

25 ноября. Обращеніе германцевъ съ нашими плѣнными и ранеными какъ съ офицерами, такъ и нижними чинами, самое возмутительное. Съ нихъ зачастую стаскиваютъ шинели, сапоги и грабятъ все, что имѣетъ какую-либо цѣнность. Деньги вытаскиваютъ изъ кармановъ, не брезгаютъ и перочинными ножами. Снимаютъ кольца съ пальцевъ на память и, при неуспѣхѣ этого предпріятія, пытаются отрѣзать пальцы.

Кормятъ отвратительно, зачастую такую дрянною бурдой, что противно взять въ ротъ. Даютъ иногда по два бутерброда съ ломтикомъ колбасы, намазаные саломъ, такъ тонко разрѣзанные, что можно видѣть на свѣтъ любой предметъ. Вообще довольствуются впроголодь.

Помѣщенія даютъ сырыя и холодныя, которыя не топятъ. Содержать взаперти и гулять позволяютъ только на дворѣ казармъ, гдѣ содержатъ плѣнныхъ въ заключеніи. Обращеніе самое грубое и варварское. Надъ ними издѣваются, на нихъ кричатъ и ихъ зачастую бьютъ. Съ ранеными обращаются такъ же. Перевязочный матеріалъ отпускаютъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ.

Дѣлаютъ перевязки изъ грязныхъ матеріаловъ, зачастую заражающихъ раненыхъ. Мѣняютъ тюфяки въ помѣщеніяхъ русскихъ раненыхъ не полагается. Одинъ плѣнный, раны котораго гноились, лежалъ на одномъ тюфякѣ цѣлый мѣсяць. Раненыхъ заставляютъ самихъ убирать комнаты и служителей не даютъ.

Когда плѣнныхъ приводятъ въ какой-нибудь нѣмецкій городъ, то стараются, чтобы это произошло въ праздничный день, когда на улицахъ много гуляющей публики. Тогда весь этотъ

нѣмецкій сбродъ плюетъ въ плѣнныхъ, ругаетъ площадными словами; раздаются свистки. Характерно при этомъ, что толпа состоитъ сплошь изъ стариковъ, дѣтей и женщинъ.

Нашихъ плѣнныхъ солдатъ зачастую выстраивали въ рядъ и по порядку разстрѣливали. Разстрѣливали германскіе офицеры плѣнныхъ изъ револьверовъ. Иногда собирали плѣнныхъ въ зданіе и разстрѣливали изъ пулеметовъ. Особенно варварски обращаются германцы съ казаками. Плѣнный казакъ можетъ остаться въ живыхъ лишь благодаря случайности: разстрѣливаютъ всѣхъ безъ исключенія. Обстановка разстрѣла самая ужасная. Безъ суда безъ обычной процедуры смертной казни, просто приставятъ казака къ дереву или къ стѣнѣ и разстрѣливаютъ.

Закончимъ эти строки сказаніемъ очевидца о дикомъ поступкѣ германскаго офицера:

„Подходитъ къ намъ нѣмецкій офицеръ и, обращаясь къ нашему плѣнному офицеру на ты, кричитъ: „встань“!

Офицеръ этотъ не могъ стоять: онъ былъ раненъ и отъ потери крови настолько сильно ослабѣлъ, что пришлось поддерживать его. Раненый, возмущенный такимъ обращеніемъ, заявилъ нѣмцу, что онъ офицеръ.

— Ахъ, ты—офицеръ? Ахъ, ты... И тутъ полился потокъ площадной брани. При этомъ этотъ грубый нѣмецъ не ограничился одной руганью. Онъ сталъ наносить раненому офицеру сначала шашкой, а потомъ и кулакомъ удары“...

26 ноября. Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Тифлисъ.

27 ноября. Въ настоящую войну германскіе офицеры, генералы и даже германскіе принцы на всѣхъ театрахъ военныхъ дѣйствій стяжали славу отчаянныхъ грабителей. Положимъ, что отблески этой славы проявились еще и въ франко-германскую войну, ярко свѣтились въ китайскую, но во всю ширь они развернулись только въ текущую войну.

Союзнымъ правительствамъ надлежало бы составлять протоколы этихъ грабежей для предьявленія впоследствии къ расчету. Знаменательно то, что германскіе солдаты въ дѣлѣ грабительства, сравнительно съ офицерами и генералами, являются младенцами. Конечно, на счетъ выпивки, насилія женщинъ и разстрѣла мирнаго населенія, нѣмецкіе солдаты охулки на руку не положить, но въ дѣлѣ грабительства германское офицерство зарекомендовало себя виртуозами. Они ничѣмъ не

пренебрегаютъ: отъ женской ротонды и бѣлья до столовыхъ ложекъ, все, что ни попадетъ подъ ихъ попечительныя руки, все направляется въ ихъ фатерландъ, изъ дальней Франціи и Бельгіи въ вагонахъ, а изъ ближней Россіи и въ вагонахъ, въ автомобиляхъ и повозкахъ для пополненія своего, повидимому, убогаго домашняго скарба. Въ нашу приграничную полосу являлись за имуществомъ нѣмки-хозяйки и увозили домой награбленное.

По свидѣтельству лицъ, выдавшихъ эти грабительскіе подвиги, ни одинъ громила не умѣетъ такъ вскрывать столы, взламывать шкафы, рыться въ грязныхъ тряпкахъ, какъ эти лейтенанты, оберсты и гауптманы съ генералами включительно.

28 ноября. Изъ сводки данныхъ о второмъ лодзинскомъ сраженіи выясняется, что лишь только именитый учитель кронпринца генераль Макензенъ вывелъ изъ боя печальные остатки своихъ полковъ, какъ германцы, подвезя громадныя резервы съ утроившимися силами, начали яростно второй лодзинскій императорскій бой (Kaiserschlacht).

Говорятъ, еще ни разу до сихъ поръ германскія атаки не доходили до такой настойчивости. Онѣ повторялись одна за другой; ихъ люди таяли на этомъ роковомъ пути, встрѣчая повсюду рѣшительную и неодолимую контръ-атаку нашихъ отрядовъ. Въ эти дни солдатамъ почти не приходилось отдыхать въ окопахъ. Они все время должны были отражать непріятеля, на котораго воззванія императора Вильгельма, полныя отчаянія, производили воодушевляющее впечатлѣніе. Люди, участвовавшіе въ этомъ бою, говорятъ: „Нѣмцы точно обрекали себя смерти“.

Во время самаго разгара этихъ бѣшеныхъ, безсчетныхъ атакъ, на одинъ изъ перевязочныхъ нашихъ пунктовъ принесли усталаго, иззябшаго и раненаго солдата и на торопливый вопросъ, ну, какъ дѣла? Какъ идетъ бой? Раненый спокойно отвѣтилъ: Какъ? *Да всыпаемъ*. И это „всыпаемъ“ успокоительно подѣйствовало на нервы всѣхъ присутствовавшихъ, болѣе успокоительно, чѣмъ любая телеграмма.

Въ одной изъ корреспонденцій ¹⁾ такъ описывается одна изъ германскихъ атакъ:

„Въ окопахъ тихо...

Кругомъ адъ. Визжатъ куски глупаго желѣза. Ахаютъ эти отвратительныя бризантныя снаряды, раскидывая грязь кругомъ и точно ввинчиваясь въ податливую землю, чтобы тотчасъ же

¹⁾ „Рус. Сл.“ 26 ноября с. г.

разворотить ее безобразной воронкой, лопаются шрапнели, свистутъ назойливо и подло пули... А во рвахъ припалъ народъ и молчитъ, прислонивъ щеки къ торчащимъ впередъ сторожко и злобно дуламъ ружей. На ихъ примкнутыхъ штыкахъ изрѣдка вздрагиваетъ пламя разрывовъ.

Вонъ, вдали желтыя пятна догорѣвшихъ стоговъ, бѣлая полоса дороги, по которой двигались густыя колонны непріятеля, не замѣтившаго хорошо прикрытыхъ траншей. Даже въ яркомъ полымѣ ихъ увидишь по осыпямъ нарытой земли сзади, а никакъ не оттуда. Тутъ нѣмцевъ разстрѣляли наши, а когда тѣ бросились „штыки наруку“, ихъ встрѣтили такимъ отвѣтнымъ ударомъ, что на мѣстѣ этой схватки:

— До сихъ поръ слышно: ползуть, голоса подаютъ.

— Только что ни ихнимъ къ нимъ, ни намъ не податься.

Дѣйствительно, прислушиваешься,—точно изъ-подъ земли кто-то стонетъ тамъ, и глухая жалоба эта расплзается понизью, западая и въ наши окопы. Какъ-будто въ могилахъ проснулись и слабо-слабо подаютъ голоса: мы-де здѣсь, живы, спасите насъ“...

Наконецъ непріятель былъ окончательно отброшенъ, и второе лодзинское сраженіе прекратилось.

29 ноября. Корреспондентъ „Русскаго Слова“ В. И. Немировичъ-Данченко картинно описываетъ выдающійся эпизодъ императорскаго лодзинскаго боя легендарнаго кавалерійскаго полка ¹⁾.

„Второму дивизиону славнаго кавалерійскаго полка было приказано атаковать непріятельскую артиллерию. Какъ только онъ бросился впередъ, непріятель открылъ ужасающій огонь. Это былъ сплошной ураганъ картечи и пѣхотныхъ пачекъ. Казалось, самъ воздухъ раскалился кругомъ вдоль опушки лѣса у Ружице. Въ этотъ стихійный ужасъ наши ворвались такъ стремительно, съ такою бѣшеною, неудержимою отвагой кинулись на сильную вражью позицію, сметая все находившееся при взводахъ нѣмецкой батареи, что передъ нами, казалось, воскресли времена несравненныхъ витязей стараго Кавказа.

Второй взводъ непріятельской батареи былъ на опушкѣ лѣса; передъ нимъ глубокая выемка желѣзной дороги и большая окраивавшая его канава. Всадники точно на крыльяхъ одолѣли ихъ, смѣлымъ взлетомъ ворвались въ лѣсъ, изрубили

¹⁾ „Рус. Сл.“ 29 ноября с. г.

въ немъ непріятельскую пѣхоту въ ея окопахъ. Черезъ нѣсколько дней я видѣлъ здѣсь, голова къ головѣ, тѣло къ тѣлу, сплошь лежавшіе окоченѣвшіе трупы защитниковъ этой непріятельской позиціи. Трудно описать панику, охватившую нѣмцевъ. Въ эти мгновенія они забыли всѣ преимущества окопавшейся пѣхоты противъ кавалерійскаго налета. Ружья далеко отброшены отъ мертвыхъ. Очевидно, въ слѣпомъ страхѣ передъ этимъ въ лѣсную дрему ворвавшимся смерчемъ они кинули ихъ прочь и искали спасенія только въ безуміи беспорядочнаго бѣгства. Паника охватила не только тѣхъ, которые были на пути нашихъ эскадроновъ. Все, что пряталось и сидѣло въ загражденіяхъ этой чащи, вплоть до резервовъ въ глубинѣ ея, не удержалось на мѣстѣ, рассыпалось вразбродъ, кто куда пональ, на югъ, только бы подальше отъ нашихъ богатырей. Это дало возможность нашей пѣхотѣ съ лѣваго фланга безъ выстрѣла продвинуться на жаковицкую дорогу, на сѣверъ отъ Ружице. Въ самомъ восточномъ углу лѣса густились непріятельскія роты у этой деревни. Вторая линія всадниковъ лавою обвила ихъ, отбила большой нѣмецкій транспортъ и, уничтоживъ тамъ все живое, соединилась съ уцѣлѣвшими всадниками остальныхъ эскадроновъ. Плѣнные, попавшіеся намъ, говорятъ: „Мы ничего подобнаго не слышали у себя. Ваша кавалерія, это — молнія, которой ничто противиться не можетъ. Нельзя было защищаться, некогда было одуматься, сообразить обстановку. Ноги, помимо головы, сами уносили насъ подальше отъ этой внезапной тучи, обволакивавшей насъ, какъ казалось, отовсюду. Мы не видѣли передъ собою просвѣта“. Уцѣлѣвшіе? Ихъ было немного, и подобрали ихъ потомъ другія части...

Въ этомъ грозовомъ ударѣ у противника уничтожена прислуга тяжелой батареи, всѣ ея прикрытія и ближайшіе къ нимъ пѣхотные заслоны. Только тридцать человекъ живьемъ попались въ плѣнъ,—растерянныхъ, оторопѣвшихъ, ничего не соображающихъ, точно они были пришиблены метеоромъ, упавшимъ съ неба. Всадники вывезли сейчасъ же три передка орудійныхъ, самыя пушки оставлены на позиціи. Онѣ были между нашими цѣпами и непріятельскими, на ближайшихъ лѣсныхъ опушкахъ, подъ перекрестнымъ огнемъ.

Нѣмцы въ это время съ другой стороны сильно насѣли на подполковника Я.

Ихъ было много. Огнемъ ихъ удержать оказалось невозможно.

Я, съ тремя эскадронами бросился на другую колонну противника. Картечный и ружейный обстрѣлъ, направленный противъ нашихъ, былъ отсюда ужасенъ. Наши всадники, проскакавъ точно сквозь огнедышащую пасть, разбили непріятеля, беспорядочно бросившагося въ лѣсъ. Намѣреніе его пробиться на востокъ не удалось. Задача нашего кавалерійскаго отряда была рѣшена, но онъ за новую славную страницу своей боевой исторіи заплатилъ дорого.

Всюду еще лежатъ неубранные трупы. Всадники и ихъ кони вмѣстѣ... Торчатъ разбитые зарядные ящики. Нѣмецкія орудія увезены нами. По сторонамъ сотни „кулебякъ“, этихъ несуразныхъ, громадныхъ гранатъ, не разорвавшихся и еще не использованныхъ. Ихъ плетеные футляры, стаканы отъ шрапнелей, нѣмецкія каски, палаши и разбитыя, изломанныя ружья... Въ глубокомъ рву точно припавшіе къ водѣ трупы. Широко открыты ихъ глаза. Рѣсницы опущены нетающимъ снѣгомъ. Вверху лѣсъ, полный страшныхъ тайнъ недавняго боя. Тамъ подъ каждымъ деревомъ — безмолвный свидѣтель вчерашняго ужаса“.

Другимъ выдающимся событіемъ второго лодзинскаго сраженія была атака германцевъ нашими бронированными автомобилями, дѣйствовавшими 21-го ноября по шоссе подъ начальствомъ штабсъ-капитана Гурдина и поручика Шулькевича. Своимъ страшной силы огнемъ, сопряженнымъ съ искуснымъ маневрированіемъ, автомобили эти совершали на шоссе свои налеты и отражали атаки громадныхъ массъ германской пѣхоты. Наши войска полюбили эти автомобили и привѣтствовали ихъ блестящія дѣйствія восторженными восклицаніями.

30-го ноября. „Небываемое бываетъ“, говаривалъ Великій Петръ.

Такое небываемое свершилось: 29-го ноября сербы наголову разбили австрійскую армію.

Какая иронія судьбы: передъ этой побѣдой разошлись германскія иллюстрированныя газеты, гдѣ были портреты генерала Піотрека и прочихъ генераловъ, съ надписями побѣдителей сербовъ, а также фотографія мѣстностей, гдѣ были одержаны австрійцами побѣды надъ сербами.

Странное соблюденіе нейтралитета Румыніей и Болгаріей. Румынскій король и Болгарскій царь принимали въ особой аудіенціи будущаго главнокомандующаго военными силами

Турціи фонъ-деръ-Гольцъ-пашу и съ нимъ о чемъ-то продолжительно совѣщались.

Какой поучительный урокъ нашей прошлой исторіи. Сколько пролито драгоцѣнной русской крови за освобожденіе болгаръ и румынъ, въ то время называемыхъ валахами и молдаванами; турки величали ихъ въ то время презрительнымъ словомъ „влашки“.

Еще далѣе: сколько пролито русской крови за Австрію въ 1799 г., 1813, 1814 гг. и за Пруссію въ 1806 — 1807, 1812 и 1814 г.

Телеграфныя лаконическія сообщенія нашихъ, дорогихъ, вѣрныхъ, союзниковъ французовъ, англичанъ, и бельгійцевъ: „продвинулись нѣсколько впередъ“, отошли „нѣсколько назадъ“ и „въ общемъ безъ перемѣнъ“ имѣютъ свой, собственный, глубокий смыслъ. Хотя бы намъ, русскимъ, и хотѣлось бы, чтобы въ осенній и зимній періодъ войны, когда мы выносимъ на своихъ плечахъ безчисленныя атаки пьяныхъ тевтонскихъ ордъ, эти выраженія и были бы замѣнены болѣе энергичными выраженіями наступленія, но вѣдь надо помнить, что у французовъ не такъ много людскаго запаса, у самихъ англичанъ вербовочное комплектованіе и перевозка колониальныхъ войскъ сопряжены съ значительнымъ количествомъ времени, а у доблестныхъ бельгійцевъ совершенно изсякъ источникъ пополненія. Все это надо учитывать и спокойноѣе выждать весенняго укомплектованія, новыхъ формированій и перевозки значительныхъ союзныхъ силъ.

Надо относиться съ полнымъ довѣріемъ къ талантамъ и волѣ желѣзнаго Жоффра. Поставленная ему задача очень грандіозна. Вѣдь ему надо было перевоспитать, возсоздать прежній духъ французскихъ армій, утвердить ихъ въ сознаніи, что имъ нечего опасаться германцевъ. И онъ достигъ этого въ самое непродолжительное время. Теперь французы ни въ чемъ не уступаютъ германцамъ.

Надо помнить, что французскій парламентскій режимъ наложилъ свою руку на выборъ начальниковъ великой молчалиницы, французской арміи. Сколько несоответственныхъ начальниковъ, выдвинутыхъ по протекціи депутатовъ, надо было смѣстить.

На указаніе свыше, сдѣланное по этому дѣлу Жоффру, нельзя ли поступать не такъ круто, былъ полученъ такой отвѣтъ: „нельзя“ — „тогда ищите другого главнокомандующаго“.

Онъ ведетъ самый спартанскій образъ жизни. Довольствуется

самымъ скромнымъ образомъ. Одного только требуетъ относительно себя: сохраненія опредѣленнаго числа часовъ только на сонъ.

Весь день посвященъ работѣ, а для ночи совершенно точно указано штабу, въ какихъ случаяхъ надлежитъ будить главнокомандующаго.

Въ опредѣленный часъ Жоффри встаетъ и тотчасъ же идетъ въ штабъ, гдѣ въ теченіе ночи чины штаба обозначили цвѣтными булавками послѣдовавшее измѣненіе въ расположеніи союзныхъ и непріятельскихъ войскъ.

Популярность Жоффри громадна. Вся французская армія, вся Франція вѣрятъ въ его таланты и его желѣзную волю.

Жоффри болтать не любитъ. Рѣчь его лаконична.

Недавно онъ пріѣхалъ въ Эльзаскій городъ—Танъ, и тамъ, собравшимся къ нему женщинамъ, старикамъ и дѣтямъ онъ сказалъ слѣдующія знаменательныя слова: „теперь вы французы навсегда“.

Съ необычайнымъ восторгомъ привѣтствовало населеніе слова главнокомандующаго французовъ.

Наши враги. Полную противоположность Жоффри представляетъ его противникъ императоръ Вильгельмъ, у котораго болтовня стоитъ превыше всего. Неуравновѣшенный, самомнительный, принимающій свои фантазіи за дѣйствительность, мало кого слушающій, никогда ничего не читающій, жестокой, злюбленный только въ себя, Нарциссъ-Вильгельмъ представляетъ изъ себя оригинальный типъ самодовлѣющей тевтонской наглости.

Изъ приближенныхъ на Вильгельма имѣютъ нѣкоторое вліяніе Мольке, умѣющій стаскивать своего кайзера съ небесъ на землю, и германскій кронпринцъ, своимъ дикимъ упрямствомъ вліяющій на слабую волю своего отца. Между отцомъ и сыномъ происходятъ постоянныя ссоры. Вильгельму присущъ даръ гипноза слова, какъ на свои войска, такъ и на своихъ михелей.

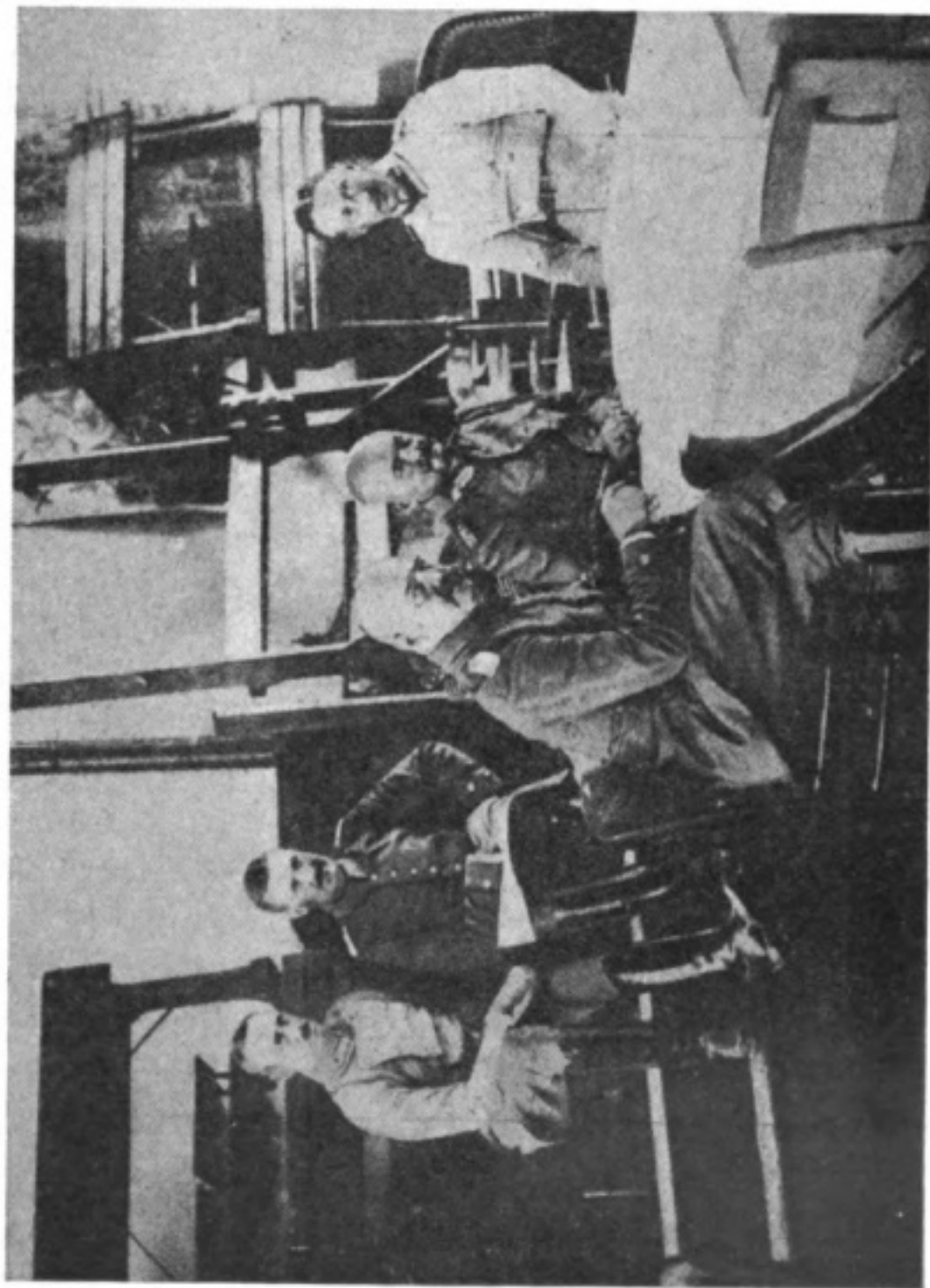
Передъ своимъ послѣднимъ отъѣздомъ съ восточнаго фронта Вильгельмъ имѣлъ наглость сказать войскамъ: „небо на нашей сторонѣ“. Болѣзненный, подверженный простудѣ, сухорукій на одну руку, съ течью изъ ушей, Вильгельмъ постоянно боится за наследственность въ горловой болѣзни своего отца. Всякое недомоганіе въ горлѣ, ослабленіе голоса иногда повергаютъ его въ тяжкую хандру. Онъ очень переменчивъ на видъ, даже въ теченіе дня, то онъ сумрачный, то очень оживленный и веселый.

Наши враги:
Германскій императоръ Вильгельмъ II.

Наши враги:
Австрійскій генералъ
Данкль, командовавшій
въ ноябрь Краковской
арміей.

Наши враги:
Германскій кронпринцъ, съ своей главной квартирой.

Наши враги:
Генералъ Макерзенъ, ко-
мандовавшій германскими
корпусами въ первомъ
сраженіи подъ Лодзью.

Прилагаемый при этой книжкѣ послѣдній портретъ Вильгельма поражаетъ ужасной переменой его лица. Ужъ нѣтъ его знаменитыхъ, длинныхъ, усовъ. Они коротко подстрижены. Онъ страшно похудѣлъ, и печальный взглядъ его устремленъ впередъ, какъ бы чувствуя, что будущее не сулитъ ему радостнаго конца. Надвинутая низко на лобъ каска какъ бы давитъ мысль и дѣлаетъ ее мрачной и тяжелой. Нѣтъ ничего веселаго и радостнаго на этомъ портретѣ.

Говорятъ, что голосъ его сталъ хриплымъ и неувереннымъ.

Германскій кронпринцъ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ потрясшей весь міръ катастрофы, совершенно лишенъ ума своего отца и отличается дикимъ, упрямымъ характеромъ и цинической наглостью. Онъ очень жаденъ до трона своего отца и узнавъ о томъ, что отецъ его тяжело заболѣлъ, сейчасъ же прилетѣлъ посмотрѣть, не очищается ли ему ваканція. Точь въ точь какъ во время оно Вильгельмъ неотступно слѣдилъ за умирающимъ отцомъ.

Прилагаемая фотографія касается настоящей военной обстановки, при которой кронпринцъ снятъ со своимъ штабомъ въ школьномъ зданіи.

Недавно одинъ англійскій корреспондентъ имѣлъ разговоръ съ кронпринцемъ о современныхъ событіяхъ, при чемъ кронпринцу былъ заданъ вопросъ: дѣйствительно ли нѣмецкіе солдаты убиваютъ и грабятъ, какъ гунны, опустошаютъ тѣ страны, по которымъ проходятъ?

— Все это, конечно, сплошная выдумка,—отвѣтилъ кронпринцъ и прекратилъ разговоръ на эту тему, боясь, очевидно, нескромнаго вопроса смѣлаго американскаго журналиста о соучастіи германскихъ военачальниковъ въ грабежахъ и погромахъ.

Разговоръ перешелъ на болѣе общія темы. Кронпринцъ имѣлъ наглость повторить слова своего отца: „Отвѣтственность за войну нужно всецѣло возложить на державы тройственнаго согласія“.

— Больше никому не нужна была эта авантюра,—заявилъ съ апломбомъ кронпринцъ.

Кронпринцъ рекомендовалъ своего наставника въ военныхъ наукахъ генерала Макензена, и ему вручено было командованіе передовыми германскими корпусами въ первомъ сраженіи подъ Лодзью, изъ которыхъ спаслись только жалкіе остатки.

Во главѣ лоскутной австро-венгерской монархіи стоитъ выжившій изъ ума старецъ, императоръ Францъ-Іосифъ.

Недавно приведено сообщеніе задержаннаго въ качествѣ военно-плѣннаго бывшаго полковника русской службы донъ Хаиме Бурбонскаго о его свиданіи съ Францемъ-Іосифомъ. Донъ Хаиме Бурбонскій нашелъ императора настолько ослабѣвшимъ, что черезъ нѣсколько минутъ послѣ начала разговора Францъ-Іосифъ даже позабылъ, о чемъ, собственно, идетъ рѣчь.

Донъ Хаиме напомнилъ Францу-Іосифу, что онъ — членъ австрійской императорской фамиліи и имѣетъ право на болѣе корректное отношеніе къ себѣ. Императоръ слабымъ голосомъ прошепталъ:

— Я не имѣю теперь никакой власти. Повѣрьте мнѣ, что я не могу отмѣнить мѣры, принятой по отношенію къ вамъ военными властями.

У донъ Хаиме составилось такое впечатлѣніе, что въ настоящій моментъ старый императоръ дѣйствительно лишенъ всякой власти. Онъ даже просилъ донъ Хаиме сообщить ему точныя извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ, при чемъ горько ждался:

— Я знаю, что мнѣ ничего не говорятъ...

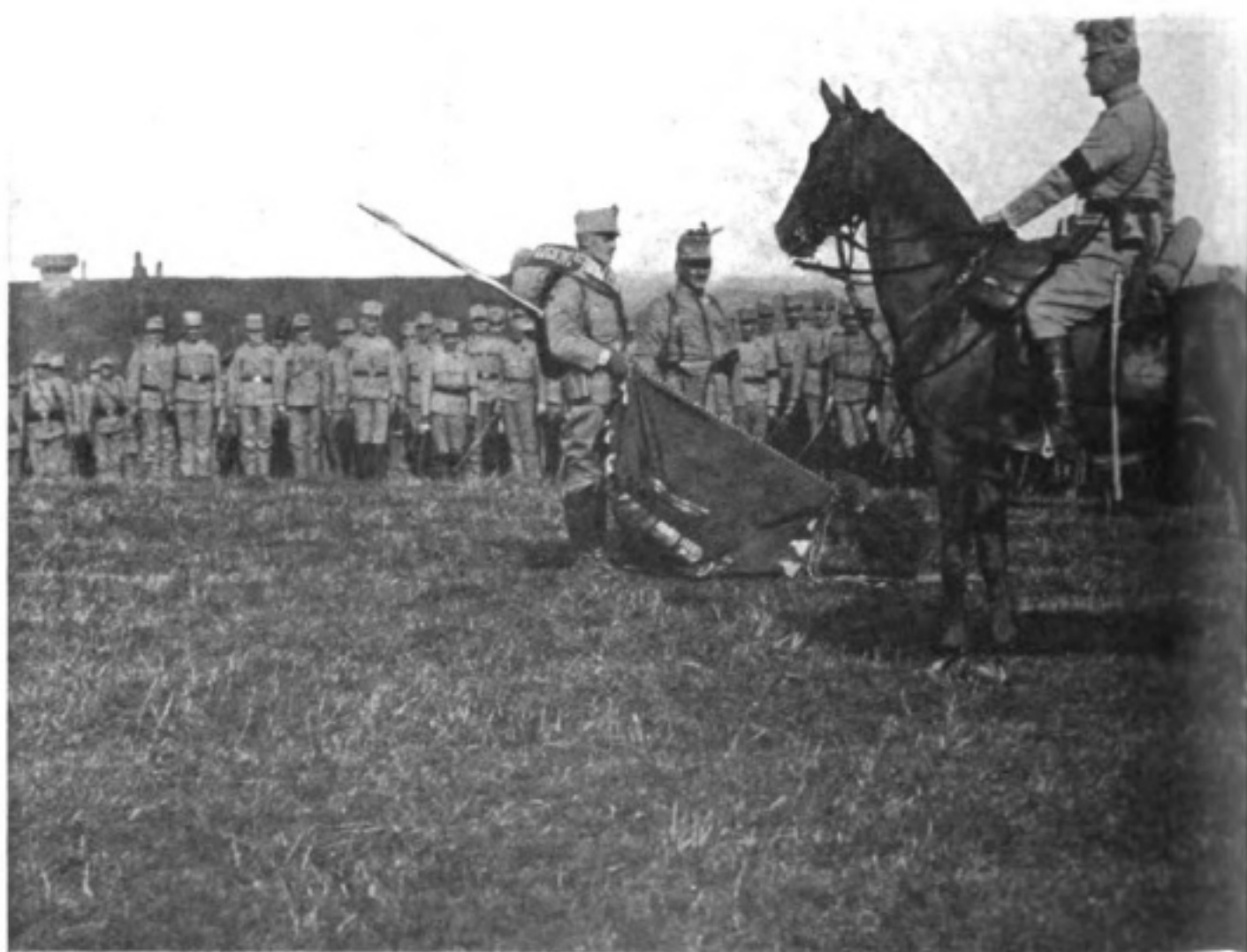
Въ концѣ концовъ, дону Хаиме не удалось ничего добиться отъ императора, и онъ пошелъ обходнымъ путемъ. Пользуясь своими родственными связями, онъ черезъ членовъ Габсбургскаго дома добился разрѣшенія выѣхать въ Швейцарію.

Въ настоящее время на улицахъ Вѣны, при проѣздѣ Франца-Іосифа не слышно никакого оживленія, не слышно криковъ *vivat* и публика его встрѣчаетъ съ полнымъ равнодушіемъ и гробовымъ молчаніемъ.

Изъ жизни нашихъ враговъ въ австрійской арміи прилагается портретъ австрійскаго генерала Данкля, командовавшаго въ ноябрѣ краковской арміей, одного изъ командующихъ арміей, не смѣненнаго, и фотографія австрійскаго 57 пѣхотнаго, герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго полка съ командиромъ полковникомъ Біакъ. Полкъ, передъ выступленіемъ въ походъ противъ Россіи изъ Тарнова, склоняетъ знамя.

В. П.

Н а ш и в о
57 пѣхотный австрійскій герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго полкъ и команда
противъ Россіи изъ Тарнава

а г и:

андиръ полковникъ Біакъ. Полкъ, передъ выступленіемъ въ походъ
два, склоняетъ знамя.

